

Су Янь, подняв бокал в знак благодарности Е Линчжао, начал говорить:

— Нам нужно найти способ проникнуть во дворец, желательно обмануть стражу и войти незаметно. Как раз удачно, что император выбрал благоприятный день, а Вэнь Янь сразу понял, что будет густой туман — это дар небес, не так ли? Мы атаковали отряд Сицзина и захватили подарки. Император, разгневавшись, безусловно, отправит императорскую гвардию. Если он этого не сделает, то Его Высочество может попросить его об этом, и это не составит труда. Как только гвардия покинет город, эти пустоголовые не смогут противостоять Всадникам Черного пера. Уничтожив гвардию, Всадники Черного пера займут их место, а несколько повозок с золотом и драгоценностями заменят ящиками с засадными отрядами — первый шаг будет завершен. Императорская гвардия всегда смотрела свысока, и стража у ворот дворца не осмелится их остановить. Неожиданно в тот день они столкнулись с Хуан Чжанем. У него есть некоторые способности, но он находится под началом Чжан Вэя и уже давно недоволен, поэтому он не уделял должного внимания делам гвардии и не смог распознать, что наша гвардия поддельная. Он самолично пропустил нас внутрь. Если бы он остался на стороне императора, то в будущем его бы ждало наказание, и он не смог бы надеяться на повышение. Лучше ему быть на нашей стороне, по крайней мере, он больше не будет под началом Чжан Вэя. Когда мы вызовем хаос внутри, второй принц воспользуется моментом, чтобы открыть ворота дворца и впустить Его Высочество. Стража у ворот в такой ситуации не осмелится тщательно проверять, ведь никто не захочет брать на себя ответственность за задержку. Командир стражи у ворот занимает низкую должность, но несет большую ответственность. Как только Его Высочество соединится с нашими людьми, захват дворца станет лишь вопросом времени. Однако сдача Хуан Чжана действительно сэкономила время. Чжан Вэй предан императору, и если бы он был в ту ночь на службе во дворце, это было бы еще лучше — мы бы уничтожили всех сразу. Но в ту ночь на службе был Хуан Чжань, поэтому нам пришлось уничтожить императорскую гвардию за пределами дворца. К этому моменту мы уже захватили дворец, и преимущество было на нашей стороне. Единственным нестабильным фактором оставались гарнизонные войска в столице. Гарнизон может выступить только с приказом императора или в случае чрезвычайной ситуации в столице. Приказ императора, конечно, не будет отправлен, так что остается только определить, как оценить чрезвычайную ситуацию в столице. С древних времен гарнизонные войска столицы, хотя и принадлежали императору, боялись беспорядков, ведь они находились так близко ко дворцу. Поэтому самовольный уход с места дислокации был преступлением, караемым смертью всего рода, что неизбежно приводило к тому, что гарнизонные войска не решались легко выступить и обязательно отправляли разведчиков для наблюдения за ситуацией во дворце. Конечно, наш командующий Лян Гуан воспользовался этой возможностью, чтобы казнить Чжан Вэя, а затем доложил, что кризис в столице устранен. Конечно, это было верно, ведь столица уже была в наших руках. Дальше вы все знаете — император лично издал указ, назначив Его Высочество наследником престола.

Су Янь закончил. Е Линкуан удивленно приоткрыл рот; хотя все звучало просто, каждый этап был тщательно продуман, и ни одной ошибки нельзя было допустить. Рука Е Линчжао под столом сжимала пальцы Жэнь Чэнцин, и по мере рассказа Су Яня она все сильнее сжимала их, так что ладонь Жэнь Чэнцин стала влажной от пота. Жэнь Чэнцин в ответ сжала руку Е Линчжао, успокаивая её.

Е Ду спросил у Жэнь Чэнцин:

— Как Ваше Высочество поступит с третьим принцем?

— Я пообещал отцу не проливать кровь своих братьев. Он покинул свою мать и дядю, он всего лишь ребенок.

— Ваше Высочество все же должно быть осторожным. А что насчет Драгоценной супруги Чэнь?

— Отец уедет на юг для лечения, и мать поедет с ним. Когда они уедут, мы решим этот вопрос.

— Хорошо, что Ваше Высочество приняло решение.

Когда ужин закончился, Жэнь Чэнцин действительно выпила лишнего. Её нынешний статус не позволял ей оставаться на ночлег в доме генерала, а те, кто пришел с ней сегодня, были все мужчины. Е Ду отправил карету, чтобы отвезти Жэнь Чэнцин обратно, и Е Линчжао поехала вместе с ней в карете, чтобы позаботиться о ней. В полусне Жэнь Чэнцин подумала, что стоит вернуть Мэй Цзе и других.

Через несколько дней император и императрица отправились на юг в усадьбу для лечения. Перед отъездом Жэнь Чэнцин и Жэнь Чэнчжо пришли проводить их. Император не принял их, а императрица находилась во Дворце Куньнин, собираясь в дорогу. Хотя было немного грустно, Жэнь Чэнцин понимала, что это был лучший исход.

Жэнь Чэнчжо не мог понять, почему мать тоже покидает дворец, ведь вина лежит на отце, а не на ней. Он спросил:

— Мама, почему ты тоже уезжаешь? Разве не лучше остаться во дворце?

Императрица погладила лицо Жэнь Чэнчжо, глядя на своих детей с нежностью, и сказала:

— А Чжо, будь послушным, помогай своей старшей сестре во дворце. Помни, что только вы двое самые близкие. Я прожила во дворце несколько десятилетий и тоже хочу увидеть мир.

— Мама, если ты хочешь уехать, я могу сопровождать тебя. Южная усадьба не сравнится с дворцом. Вина отца — это его вина.

— Муж и жена — одно целое, нет разделения на «ты» и «я». Раньше я не смогла должным образом наставить вашего отца, но в будущем я не позволю ему совершать ошибки. А Цин, подойди.

Жэнь Чэнцин сделала шаг вперед, и императрица обняла её, прошептав на ухо:

— Моя А Цин выросла, и я виновата перед вами. В будущем вы с А Чжо должны быть счастливы. Трон императора — нелегкое место, А Цин, не будь такой, как твой отец.

Жэнь Чэнцин спросила:

— Мама, ты все еще любишь отца?

— Мы были юными супругами, и тогда вы с А Чжо были нашими единственными детьми. Возможно, если бы он не стал императором, все было бы лучше, — ответила императрица с улыбкой, но в глазах читалась горечь.

Жэнь Чэнцин поправила прядь волос императрицы за ухо и серьезно сказала:

— Мама, мы с А Чжо уже выросли, мы позаботимся о себе.

Императрица кивнула.

Когда император и императрица уехали, Жэнь Чэнцин одна вернулась в Императорский

кабинет. Она вытащила из рукава и бросила на стол фарфоровый флакончик. Мгновенно действующий яд она так и не применила. Кто бы мог подумать, что любовь может быть такой непредсказуемой.

Эта смена власти не привела к гибели ни одного члена императорской семьи, и весь город Моша был украшен фонарями и лентами, царила атмосфера праздника. Одежда для коронации Жэнь Чэнцин была срочно изготовлена и готова к благоприятному времени. Поскольку во дворце не было подходящих женщин, Е Линчжао несколько дней назад приехала во дворец, чтобы помочь. Сегодня, когда день настал, Е Линчжао была более нервной, чем Жэнь Чэнцин. Она постоянно проверяла одежду Жэнь Чэнцин, пытаясь успокоить себя.

— Ваше Высочество, все готово.

Жэнь Чэнцин кивнула и взяла руку Е Линчжао, которая поправляла её воротник, и повела её к карете, ожидавшей снаружи.

— Сестра А Цин?

— А Чжао не хочет посмотреть?

Е Линчжао радостно кивнула.

В зале собрались все чиновники, и Жэнь Чэнцин глубоко вдохнула, медленно шагнув внутрь, направляясь к трону. Она старалась сдерживать свои шаги, но не могла сдержать учащенное сердцебиение, будто сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Поднявшись по ступеням, шаг за шагом, она остановилась перед тронем, но не спешила садиться. Она смотрела на министров, склонившихся перед ней, на Бэймо, лежащий у её ног, и на страны, жадно наблюдавшие за Бэймо.

Жэнь Чэнцин села. Цзян Шан и Е Ду, один с нефритовой печатью, другой с короной, подошли к ней и опустили на колени, подняв руки над головами. Жэнь Чэнцин взяла печать, а Е Ду надел на неё корону.

Зазвучала музыка, и все чиновники воскликнули:

— Да здравствует Император! Десять тысяч лет!

— Да здравствует Император! Десять тысяч лет! — воскликнули солдаты за пределами зала.

— Да здравствует Император! Десять тысяч лет! — весь дворец вторил им.

Под звуки барабанов и музыки крики «Да здравствует!» разносились все дальше.

— Поднимитесь, мои подданные.

Как только Жэнь Чэнцин произнесла эти слова, музыка стихла.

Церемониймейстер громко объявил:

— Разойтись.

Чиновники один за другим вышли, направляясь к Алтарю Неба под руководством стражников. Жэнь Чэнцин вернулась в задние покои, где Е Линчжао уже ждала её с одеждой для жертвоприношения.

Переодевшись в ритуальные одежды, Жэнь Чэнцин поспешила в карете к Алтарю Неба. На церемонии присутствовали не только чиновники, но и члены императорской семьи, а также представители знати. Астроном объявил, что настало благоприятное время, и зазвучала музыка. Все опустились на колени, а Жэнь Чэнцин, следуя указаниям церемониймейстера, поднялась на Алтарь Неба.

Е Линчжао украдкой подняла глаза, наблюдая, как Жэнь Чэнцин шагает к алтарю. Величественная мантия стелилась по земле, а золотая вышивка драконов и фениксов тянулась за ней, будто готовясь взлететь. Жэнь Чэнцин остановилась перед главным алтарем, и музыка стала тише. Жрец начал читать молитвы. Жэнь Чэнцин стояла прямо, глядя вперед. Когда молитвы закончились, жрец отступил, и музыка стала громче. Жэнь Чэнцин сделала шаг вперед, совершила три поклона и девять земных поклонов, а затем зажгла жертвенные дары на алтаре.

Пламя взметнулось ввысь, музыка стихла, и Жэнь Чэнцин обернулась, глядя на простой народ у подножия алтаря, и громко провозгласила:

— Сегодня я вступаю на трон и меняю эру на Гуйюань. Я обещаю, что не подведу ни Небо, ни народ.

<http://bllate.org/book/16831/1547805>